

В а с и л ь М а х н о

ФУТБОЛ НА ПУСТЫРЕ

1.

Кривой Рог, шахтерский город, который протянулся на сто километров в длину вдоль рудоносной жилы, как-то ненавязчиво вошел в лексикон нашей семьи где-то в 1953 году, с того времени, когда мой дед поехал туда, поддавшись на агитацию про шахтерские заработки и перспективы, которые вырисовывали заезжие агитаторы.

В промышленных районах Украины в послевоенное время катастрофически не хватало рабочих рук. Нужно было восстанавливать разрушенные войной шахты. Советской промышленности необходимы были уголь и руда. Поэтому на «освобожденные» западноукраинские земли зачастили вербовщики, подбивая взрослое мужское население сменить свое бесперспективное колхозное существование на обеспеченные высокой зарплатой и квартирами рабочие профессии. С молодежью на «воссоединенных» землях вообще никто не церемонился — и в соответствии с составленными списками пятнадцати-семнадцатилетних парней фактически принудительно вывозили на шахты Донбасса и Криворожья.

В случае с дедом принуждения быть не могло. Он родился в 1916 году, трижды бежал с направлявшегося в Германию эшелона и с приключениями всегда возвращался домой. В 1944 году советская власть оказалась расторопнее немецкой, и его забрали в Красную армию. Сперва под Самарканд, а впоследствии, провоевав год на Первом Украинском фронте, он завершил свою солдатскую жизнь в Венгрии, на озере Балатон. Оттуда, кажется, и демобилизовался в 1947 году. Из армии вернулся не с пустыми руками, а с несколькими чемоданами всякого добра. Дома советская власть занималась колхозным строительством, в селе стоял гарнизон, а ночами украинские партизаны проводили свои агитационные и военные мероприятия.

Дед очень любил коней. Он часами мог рассказывать о них. Он знал, на каких лошадях выезжал пан Распадлиза, какие и какой масти лошади были у его соседей и какие были лично у него — одна кобыла и два жеребца. Колхоз, конечно, отобрал его любимого жеребца, с которым дед две недели прятался в полях. Это и стало поворотным пунктом в его решении податься в шахтеры.

В Кривом Роге дед сперва поселился в общежитии, а со временем получил квартиру в доме на улице Кустанайской. Это был сталинский дом, массивный, с огромными окнами и высокими потолками. Такие строили после войны.

Я застал квартиру деда в то время, когда он в ней уже не жил, но вся мебель — большой диван и буфет — осталась нам в наследство. Еще стол, две кровати и несколько кресел составляли меблировку огромной комнаты, в которой мы поселились и жили несколько лет. Несмотря на то, что наша комната была большой, кухня, туалет и ванная были общими, и мы их делили еще с двумя семьями. В соседней комнате жила пожилая женщина, а ее бездетная дочь Тамара с мужем Петром жили в комнате напротив нашей. Понятно, что был общим и длинный, широкий коридор. Та женщина мне не нравилась, она воевала со всеми, начиная с моего деда и заканчивая своим зятем Мишей. Она не нравилась даже своей дочке Тамаре, которая работала на овощной базе и приносила оттуда дефицитные апельсины и мандарины.

Самым интересным местом в нашей комнате был высокий, светлого цвета буфет. В его ящиках лежали опасные бритвы деда, которыми он, когда приезжал к нам уже после выхода на пенсию, всегда брился. Это были складные стальные бритвы с эбонитовыми ручками светлого и темного цвета. Каждая из них лежала в футляре, на котором было серебряное тиснение «Ленинградский завод». Перед бритвем бритвы полагалось точить, поэтому рядом с ними лежал прямоугольный брусок, обтянутый добротной, грубой кожей с видимыми залысинами от многолетнего пользования. Дед очень долго отказывался от любой возможности бриться станком с лезвиями или электробритвой. На Кустанайской, когда ванная комната была занята кем-то из соседей, что происходило часто, на буфет ставилось зеркало, извлекались два футляра с бритвами и затачивались обе. Помазок мок в специальной чашечке с горячей, почти еще кипящей водой, и для намыливания бороды применялось обычное мыло. Про-

долговатое стальное лезвие затачивалось несколько минут, и после монотонных движений дед пробовал его готовность грубым концом большого пальца. Ту же операцию он производил и со второй бритвой. Приготовив обе, он намыливал лицо и начинал бриться. Бритье сопровождалось долгим покашливанием, кряхтением, причмокиванием и особо выверенными движениями руки с бритвой. Когда смывалось мыло, в некоторых местах на шее или возле губ проступали порезы, тогда дед выливал в свои широкие ладони «Тройной одеколон», который он называл кельнской водой, и втирал его во все лицо. Если порезы были глубокими и кровь сразу не сворачивалась, то в ход шли мои промокашки: смачивая их тем же одеколоном, дед налепливал их на порезанные места.

После бритья в комнате пахло одеколоном и мылом.

В двух ящиках буфета находилось немало различных медных проволок, которые наматывались на катушку и использовались в качестве антенны к большой радиоле «Сакта». Она была особенной гордостью деда. Купленная, по-моему, в 60-х годах, она использовалась как радио, ибо у нее были все волны, от длинных и средних до коротких и ультракоротких, а также проигрыватель для пластинок. Для пластинок 50–60-х годов использовались разные скорости — 45 и 79 оборотов в минуту, поэтому на большом виниловом диске могла быть записана только одна песня. Пластинок у деда было не слишком много, может, десятка два. Они аккуратно лежали на крышке радиолы, и время от времени устраивались их прослушивания. В основном, это были украинские песни в исполнении оперных певцов или хора имени Веревки.

Буфет завершали фаянсовые фигурки Карася и Одарки, девушки и юноши в украинских сорочках и балерина. Эти фигурки дед купил в Киеве на Крещатике во время трехдневной экскурсии, которой его премировали на шахте в 60-х. Кажется, это была единственная его поездка экскурсантом за всю жизнь. Все свои отпуска он проводил в селе Базар, сперва на постройке дома, потом на обустройстве быта. Со временем буфет и «Сакта» были перевезены в село. Во время переезда у балерины отломалась рука, у Одарки один из кончиков платка, а буфет и радиола были доставлены в целостности и сохранности.

Сегодня, когда деда уже нет в живых, а бабка, переступив 85-летний порог, уже не может без посторонней помощи, я часто думаю про их жизнь, и не только потому, что они были самыми близкими

мне с рождения людьми, но и потому, что на их поколение выпали важные исторические события, в которых им выпало выживать. В их жизни было множество разлук и неожиданностей — сначала война, потом Кривой Рог, и только в начале 70-х, когда дед вышел на пенсию и вернулся в свое село, они снова продолжили, без расставаний, свою жизнь до самой смерти деда.

Поженились они в 1943 году. Бабка почему-то всегда сетовала на родню деда, в особенности на его мать, которая никак не хотела породниться с будущей невесткой. Свадьбу по этой причине моему деду не справляли. Бабка выходила замуж в одолженном платье, а дед в костюме, купленном еще в те времена, когда часть Украины была под Польшей. Потом среди бесконечных бабкиных историй была одна о продаже дома, на который мой дед тоже имел право, но его сестра, которая присматривала за его отцом, столетним дедом Михайлом, после его смерти распорядилась домом, как своим собственным. Среди бабкиных аргументов был один с ее точки зрения весьма убедительный — когда дом строился, участие деда в этом было самым большим, и не учитывать это было непорядочно. Другая история в бабкиных рассказах, которая также варьировалась с заметным негативным привкусом, — о матери деда, старой Кардиналихе, известной излишней болтливостью, твердостью характера и упрямством. Единственный ее поступок, который в глазах моей бабки выглядел позитивно, был тот, что в 44-м году, когда немцы забирали столь необходимую в хозяйстве корову, на переговоры с ними пошла старая Кардиналиха, которая в молодости работала не то в Германии, не то в Австрии и знала немецкий. Она сумела переубедить немецкое начальство, и корову вернули.

2.

Криворожский двор на Кустанайской, где происходили все наши баталии и игры, сперва отпугивал меня, потому что я там почти никого не знал, а когда познакомился, то мои ровесники смеялись над моим произношением и всеми привезенными мной из Галиции словами — по-русски я тогда еще не говорил. Простор *пригорка*, изменившись в криворожском варианте на *квадрат двора*, еще более усилил мою неуверенность в месте, где я пребывал.

Помимо криворожских пейзажей, первое, что меня особенно поразило, были огромные и неизвестные мне автомобили, которых я не видывал ни в Черткове, ни в Базаре. Там, задыхаясь, ездили ГАЗоны, изредка ЗИЛы, а здесь — мощные грузовые чешские «Татры», МАЗы и иногда БелАЗы. Тысячи автобусов и троллейбусов неслись по городу, одновременно перевозя и ударников коммунистического труда, и тунеядцев, и воров, и хулиганов. Довольно быстро выучив окрестности, я через некоторое время уже уверенно ходил в ближайший продуктовый магазин и с огромным интересом наблюдал за моими ровесниками, которые, наверняка по требованию родителей, уверенно снимали трубку телефона-автомата и бросали две копейки, чтобы позвонить им на работу. Для меня это было сверхъестественным, так как я никогда такими телефонами не пользовался, поэтому, стоя с кефиром, молоком и пельменями в авоське, смотрел на их действия и по-детски им завидовал.

На улицах города можно было встретить группы вьетнамцев в одинаковых пальто какой-то из местных швейных фабрик. Это были 70-е годы. После американо-вьетнамской войны Советский Союз, который поддерживал коммунистический режим Ханоя, переправлял тысячи вьетнамцев на свои просторы. Это как-то напоминало ситуацию с Испанией в 1936 году, когда мы принимали испанских детей, которые пополняли детские дома и сонмища детей-сирот. А в 70-е это были преимущественно подростки пэтэушного возраста, которые приобретали горные рабочие профессии в Кривом Роге.

Эти вьетнамские сироты, дети войны, были на полном государственном обеспечении — от еды и одежды и до крыши над головой. Чем дольше шла война, тем более увеличивалось число переправленных в Советский Союз вьетнамцев. Местное население относилось к ним по-разному — от сочувствия, над чем тщательно работала советская пропаганда, до грубых комментариев простого пролетариата, а чаще его полукриминального элемента. Чужаки всегда воспринимаются с недоверием. Такова уж людская психология. В этом заключено вербальное отстаивание своего жизненного пространства, которое хочет отнять у тебя залетный гость. Скорее всего, расовой нетерпимости в ее различных формах в Кривом Роге не было. Насаждение интернациональной дружбы начиналось еще в школе на политинформациях о международном положении в странах Азии и Африки, а также в клубах интернациональной дружбы, через ко-

торые разрешалось переписываться со сверстниками из стран социалистического лагеря. Иногда поддатый и не очень сознательный товарищ, который отмечал с друзьями день получки, мог выкрикнуть что-то про черножопых и узкоглазых, считая, что такую точку зрения и такое поведение он заслужил, вкалывая на шахте. Пролетариат в этой стране, как известно, гегемон, е-мое, а гегемону рот не закроет никто. В Кривом Роге и вправду был полный интернационализм.

После войны со всего Союза на восстановление шахт и металлургии отправляли зеков, которые со временем становились химиками-поселенцами, а после — и жителями города. Фактически представители всех наций и народностей создавали лицо города. Многочисленные добровольцы, такие как мой дед, спасаясь от послевоенных неурядиц, массово повалили в Кривой Рог, ибо на Украине с голода не помрешь, плюс высокие заработки, так многонациональный контингент из России, Кавказа и Средней Азии туда притягивался сам собой. Кроме того, это юг Украины, и здесь издавна жили греки, болгары, цыгане. В 70-е годы помощь Советского Союза странам социалистической ориентации увеличилась, поэтому горные профессии в местном горном институте получали африканцы и азиаты. Некоторые проходили стажировку в качестве горных инженеров и на металлургических предприятиях в должностях специалистов по выплавке стали. Таким образом, местный пролетариат имел полную возможность излагать свой мнение относительно наций и народностей, которые ежедневно попадались ему на его нетрезвые глаза.

Однажды зимой я забрел в парк на площади Артема. Передо мной открылся спортивный комплекс и стадион. Такой панорамы зимнего катка для любителей катания на коньках я никогда еще не видел. Сотни конькобежцев, хаотично двигаясь, чертя линии не только телами, но и коньками, являли для меня знакомое действо, некий зимний театр в стиле арт-нуво. Людские голоса и скрежет металла коньков творили музыку зимы, подсвеченную прожекторами. Я стоял на возвышении, жадно поглощая музыку. Там, в Базаре, на подмерзшей Джуринке, никто из моих ровесников не имел коньков. В лучшем случае «прошныривались» в сапогах или валенках, рискуя по неосторожности попасть на тонкий лед и провалиться в воду.

Из окна нашей квартиры, выходявшего на боковую улицу, которая отделяла наш сталинский дом от частного сектора, по вечерам были видны шахты рудника им. Кирова. С приходом сумерек над ними зажигались красные огни. Огромные колеса с грубыми металлическими канатами вращались там беспрерывно. В нашем доме жили преимущественно шахтеры. Со временем я привык, что большинство мужчин и некоторые женщины, перебрасываясь приветствием «здрaсте», оповещали друг друга и весь двор, кто в какую смену сегодня идет на шахту: в первую, во вторую или в ночную. Почти каждый из дворовых детей нашего дома на Кустанайской знал про добычу руды, план, шахтоуправление, шахты им. Артема, им. Кирова и «Южную». У каждого из нас были респираторные маски, которые выдавались шахтерам, или шахтерские каски, или что-нибудь такое, что могло бы быть полезным для криворожской детворы — бикфордов шнур, окатыши. Вспоминаю, как я выменял какую-то машинку на такой бикфордов у одного дворового пацана и, дождавшись времени, когда никого не было дома, поджег его. Он плохо разгорался, и я поднес шнур поближе к лицу. В тот же момент меня ослепило до темноты в глазах. Я выбросил шипящий шнур, который вращался на полу, оставляя запах едкого дыма. Я испугался, потому что какое-то время не мог придти в себя, в глазах стояли большие, белые пятна. Я подумал, что ослеп. В чувства меня приводела перепуганная мама, которая нашла меня на полу.

С началом 70-х словарь моего поколения пополнился странным словом *джинсы*, в дополнение к *нипельному мячу*, *гетрам*, *кедам*, *футболке*, *наркоте*, *химикам*, *хулиганству*, *микрорайону*, *пацанам*, *шахтам*, *рудникам*, *Саксагани* и *Ингульцу*.

Слово *джинсы* мы уже знали, но как они выглядят, было для всех тайной. Нельзя сказать, что легкая промышленность страны развитого социализма никак не реагировала на слово *джинсы*, но то, что она предлагала, сильно отличалось от того, что можно было увидеть в репортажах советских телекорреспондентов из Америки или Западной Европы. В тех репортажах камера время от времени отлавливала настоящие джинсы на молодых ногах американских хиппи, французских студентов или западно-германских пацифистов. Джинсы принесли с собой и несколько сопутствующих слов, еще более непонятных, но таких же важных: *Levi's*, *Wrangler*, *Lee*. Поэтому, кроме разговоров

о футболе, не менее сладкими были мечты про джинсы. Через какое-то время среди серых и темных криворожских улиц иногда флагами протеста стали появляться настоящие сине-голубые джинсы на иностранцах, а впоследствии и на отчаянных криворожцах.

У меня не было никакой перспективы по этому вопросу, хотя и семья отчима в Польше светила далеким светом спасения, но очень слабо. Когда же мне как-то купили жалкое подобие настоящих джинсов, я решил посоветоваться со старшими пацанами, которые носили подобные штаны с протертыми коленками. Кто-то сказал, что лучший способ добиться такого — это взять битый кирпич, намочить штаны и тереть кирпичом, поливая время от времени протертые места холодной водой. Эффект гарантирован — *вот, смотри как у меня, я бы и больше протер, но старая заметила.*

Я набрал кирпича со щебнем и спрятал все в мешочек до прихода подходящего времени. Долго ждать не пришлось. Однажды, пожаловавшись на боли в животе, я остался дома, в то время, как родители с младшим братом, которого вырядили в шорты, ушли куда-то. Убедившись в собственной безопасности, я расстелил псевдоджинсы на полу, достал кирпич со щебнем, намочил нужные места и принялся их тереть. Я тер те штаны до остервенения. После нескольких сеансов я увидел, что вместе с краской исчезла не только сомнительная привлекательность товара, но на штанах появились дыры с торчащими по краям нитками. Мне захотелось плакать от безысходности, от предстоящих разговоров с родителями о штанах и в предчувствии их бесконечных упрёков в моей бестолковости.

— Так чем ты их тер? — спрашивал я своего наставника несколько дней спустя.

— Кирпичом. А что, не получилось?

— Нет.

— Зависит от материала. А что старики?

— Труба.

— Меня мамка неделю во двор гулять не пускала.

— Меня пускают.

— Ну, тогда все путем.

Мне нравился осенний двор, когда жители нашего дома запасались на зиму разными соленьями — солили арбузы, помидоры, ка-

пусту, яблоки. Приносили и привозили их, кто откуда мог. Запахи раздавленных помидоров и битых арбузов со стихийных базарчиков, которые организовывали жители частного сектора Екатерининских, наполняли все здание, двор и соседние улицы.

Перед подвалами стояли бочки, заносился картофель, складывались закатанные склянки с помидорами, баклажанами, салатами.

Люди готовились к зиме.

3.

Школа, в которую я начал ходить в третий класс, была с украинским языком обучения. Пристроилась она на тихой улице, которая начиналась от площади Артема.

На площади, как водилось, стоял большой памятник самому Артему, местному революционеру и, кажется, герою гражданской войны. А за Артемом — надпись на ДOME культуры Саксаганского района: «Искусство принадлежит народу»: памятник как образец искусства и стоял здесь для того, чтобы народ мог смотреть на это искусство ежедневно.

Основной контингент школы состоял из детей шахтеров и разнорабочих, иногда горных инженеров или учителей. Самым страшным местом в той школе был уличный туалет, расположенный рядом со спортплощадкой, где проводились уроки физкультуры, игры в футбол и изредка кросс.

За туалетом собирались старшеклассники, чтобы покурить или для выяснения отношений. Оттуда всегда ужасно несло хлоркой. Почему-то группы криворожской шпаны любили шастать теми задними дворами, которые выводили их к местам, спрятанным от посторонних взглядов. Именно за туалетом встречались с теми, кто ни в какие школы не ходил. Это были почти организованные, криминализованные подростковые шайки, которые пополнялись парнями из неблагополучных семей, преимущественно наполовину сироты или дети матерей-одиночек, или те, у кого кто-то из родителей сидел, или беглецы из домов-интернатов. Они промышляли разными способами: занимались кражами, отбиранием денег у тех, кто послабее и младше их, играли в карты, иногда общались с «химиками», у которых набирались разнообразного криминального опыта. Как известно, еще

до 50-х, страна, в которой мы жили, была сплошным лагерем, поэтому криминальная психология больших промышленных городов была вполне жизнеспособной. Чаще всех в тех местах появлялся некий жестокий и отчаянный пацан О., который вследствие небрежного обращения со взрывчаткой, украденной в карьере, имел повреждения пальцев рук и лица. Его биография начиналась в нашей школе, и им вскоре заинтересовалась Детская комната милиции, в стенах которой он встретит свое совершеннолетие. Однако О., в сравнении с тремя молодыми бандитами, которые держали в страхе микрорайон площади Артема, был попросту пацаном и несерьезным конкурентом. Те трое поставили свое криминальное ремесло на широкую ногу. Они не просто вымогали деньги или отбирали вещи, они были почти взрослым криминогеном — наркотики, грабеж магазинов, кражи взрывчатки с шахт и карьеров. Для развлечения приходили к туалету, чтобы рассказать о своих геройствах и поиздеваться над нами, шпаной, малолетками, которые, несмотря на явный страх, все-таки ими восторгались за отвагу и взрослость, за их пусть своеобразное, криминализированное, но все-таки ощущение свободы. Иногда они вершили самосуды, поскольку кто-нибудь более или менее приближенный к ним мог им пожаловаться на что-нибудь.

В этот раз Орел, Шкет и Рыба появились неожиданно, когда заканчивался урок физкультуры. Как правило, за минут десять до конца урока учитель физкультуры собирал баскетбольные и волейбольные мячи, просил нескольких учениц помочь ему — и нес в школу. Футбольные мячи школьным инвентарем не были: школьные исчезали сразу, поэтому мячи кто-то приносил свои. Урок физкультуры всегда был последним, поэтому после урока в школьную форму уже никто не переодевался, а шлепали домой в спортивной — футбольные трусы, футболка с номером, кеды и гетры.

Орел позвал вратаря, и когда тот понял, кто его зовет, побледнел.

— Ка-азел! Давай сюда!

Вратарь, послушно покидая футбольные ворота, успел предупредить защитников. Игра мгновенно остановилась. Футболисты, переводя дыхание, начали собираться по домам.

Рыба вытянул из кармана рогатку и несколько камней.

Шкет уже поблескивал финкой, а Орел, затянувшись сигареткой и пустив дым в лицо вратаря, процедил сквозь зубы:

— Слышь, ка-азел! Приведи Жеку!

Жека, который был сильнейшим в классе и от которого всем передавало, не у всех одноклассников вызывал симпатии, но все мы понимали, что на Жеку кто-то пожаловался и расправа над ним неизбежна. Вратарь послушно идет в сторону Жеки и, не доходя несколько шагов, говорит глухим голосом:

— Жек, там... ну... тебя, — и показывает, кто и где его ждет.

Жека вытирает футболкой пот с лица, берет портфель и движется к троим, которые ждут свою жертву.

— А почему не убежал? — пробегая перед Жекой с финкой, ехидно спрашивает Шкет.

Рыба заходит ему за спину, и только Орел молча покуривает свою сигарку. В конце он сплевывает окурок, который перелетает через Жекино правое плечо.

— Ну что, хорек? — деловито спрашивает Орел.

— А чо нада? — почти без боязни спрашивает Жека.

— Ты, падла, у Коли мопед стырил?

— Так он проиграл мне в карты.

— Ко-о-оль! — кричит Орел.

Немедленно к ним подбегает белобрысый в веснушках Коля, который живет без отца с мамой и сестрой. У его сестры, по его рассказам, подночевывает один клиент, который только вышел на волю и хочет устроить личную жизнь. Колина сестра ему в этом помогает. Колина мама все время устраивает скандалы, чтобы они расписались. Коля пожаловался на Жеку новому родственнику, но тот, чтобы преждевременно не засвечиваться перед ментами, решил договориться с малолетками. Вот Орел, Шкет и Рыба теперь с этим и разбираются.

— Ко-о-оль, — тянет слова Орел, — этот хорек говорит, что ты мопед ему в карты проиграл.

— Да, в карты я проиграл. Я деньги ему должен за это. Еще прошлой весной мы вместе поехали на рыбалку, стырили удочки и леску у его соседа. Поехали на моем мопеде, еще на Екатериновке от ментов убегали. После рыбалки Жека захотел играть в буру. У меня в карманах уже ничего не было, я и заложил мопед.

Орел чешет за ухом мизинцем с удлиненным, до полутора сантиметров, ногтем.

— Короче, Жека, мопед надо вернуть.

— Я мопед продал.

— Заберешь и вернешь. Понял?

— Как я заберу? Я того пацана всего раза два встречал, он с 95-го квартала или из Соцгорода.

Перед лицом Жеки мгновенно блеснуло лезвие финки.

Орел, расстегнув летнюю курточку, достает из широкого, специально пришитого внутреннего кармана, обрез.

— Убью, сука! Мопед завтра у Коляна. Все!

— Отсосешь, — спокойно отвечает Жека, получает обрезом резкий удар по голове и падает лицом в гравий беговой дорожки.

Рыба и Шкет тянут обессиленного Жеку за туалет.

Орел поднимает вверх обрез и кричит:

— Все домой! Перестреляю, суки!

Жека не приходил в школу две недели. Все это время работники Детской комнаты милиции тягали нас на допросы, так и не выяснив, ни кто бил Жеку, ни сколько их было, ни их имен.

Одна из учительниц была гермафродиткой. Она старательно, как мужик, брила свои щеки, о ней ходили разные сплетни, вроде она один день женщина, а другой — мужчина. Я в это не верил. Мне казалось, что, если бы она хоть день была мужчиной, то должна была бы явиться в школу в мужском костюме.

Учительница зоологии, которая мечтала только о пенсии, всегда объясняя нам что-то о скелетах рыб или о строении млекопитающих, срывалась на истерику, когда кто-то не так себя вел. Она брала в руки указку и била ею по столу, выкрикивая весь свой словарный запас: *скотюга, нахалюга, враг народа*. Выражение *враг народа* я понял позднее и думаю, что она его вынесла из своего сталинского детства. В то время враги народа случались повсюду.

Остальные учителя не запомнились ничем особенным, так как, возможно, по сути были людьми гуманными, хотя и угнетенными годами педагогического труда.

На уроках и переменах, когда получалось, мы только тем и занимались, что играли в фантики. Для этого каждый запасался шоколадными обертками, соответственно их сгибая, и устраивали баталии на старых подоконниках. Необходим был партнер, вы ставили на подоконник свои перевернутые сложенной стороной вверх фантики, противоположная сторона была с картинкой «Аленки» или

«Чайки», нужно было ударить ладонью так, чтобы оба фантика подбросило в воздух от твоего удара и двумя «Аленками» посмотрели на тебя. Если это удавалось, то ты выигрывал и забирал «Аленку» соперника себе. Хлопки детских ладоней наполняли школу, а учителя за эту игру снижали оценку по поведению, приводили в учительскую для беседы или к самому директору школы, но ничего не помогало. Мы продолжали собирать шоколадные обертки и стучали по подоконникам, как ненормальные.

Другой моей страстью было собирание фотографий с иностранными музыкальными группами. Дельцы, которые приторговывали этим товаром, часто подходили к нашей школе и, поджидая нас, потенциальных клиентов, крутились или возле туалетов, или за невысоким заборчиком перед школой. На фотографиях, как правило, стояли патлатые рок-музыканты в узких темных штанах с гитарами на фоне ударных инструментов. Их качество всегда оставляло желать лучшего — все это переснималось из бесчисленных привозных заграничных журналов студентами или стажерами из стран, ставших на путь социализма, потом размножалось и продавалось. Среди криворожских подростков считалось необыкновенно престижным иметь несколько десятков таких фотографий, хотя и стоили они недорого. Все зависело от размера фоток и кто на них был изображен. Обычно фотка стоила 50 копеек, а большая — один рубль. Это были не малые деньги, и поскольку школьные обеды покупались на месяц вперед, то карманных денег у меня практически не было. Поэтому нужно было их доставать — то ли укрыть сдачу за покупку в магазине, то ли выиграть в лотерею «Спринт». Билеты этой лотереи вместе с зелеными томами Леонида Ильича Брежнева «Ленинским курсом» продавались повсюду в киосках «Союзпечати». Я прятал эти фотографии от родителей, потому что знал, что если они их найдут, то запоют свою вечную песню о том, что у других дети собирают что-то полезное в виде марок или значков, а я так черт знает что. Со временем у меня появилось достаточно этих фотографий, и я мог выменивать их на другие, которые мне больше нравились.

Я старался, всматриваясь в эти фотографии с патлатыми музыкантами, микрофонами, гитарами и ударными инструментами, услышать их музыку, но она не звучала.

4.

Мама работала в двух школах учительницей музыки и носила с собой баян и ноты.

Школы были расположены в разных концах города. Мама работала целыми днями по несколько часов в одной и другой школе. Пока мы жили в одной комнате деда, ездить по школам было относительно недалеко. Потом мы переехали в свою полученную трехкомнатную квартиру хрущевского типа в новом микрорайоне на улице Тынка.

Повсюду шло строительство, и сталинские здания на площади Артема, которые творили какую-то архитектурную идею и которые мне, в конце концов, нравились, сменились неизбежностью новых районов, которую строители поддерживали оставленными строительными материалами, плохо уложенным асфальтом и не до конца укомплектованными детскими площадками.

Сперва я сидел на кухне нашей новой квартиры и смотрел с четвертого этажа на спортплощадку и футбольные игры. Эта площадка была огорожена полутораметровой сеткой, и от рассыпанного по ней мелкого щебня во время игры поднимались столбы пыли.

Разработанное проектировщиками неудобство виделось сразу — когда падаешь на такое поле, разбиваешь локти и колени, и раны потом долго заживают.

С этого времени меня и большинство моих ровесников стал притягивать футбол, в который мы играли с ранней весны и до поздней осени, поделенной дворовой командой или двор на двор.

Нашими соседями по зданию были криворожский композитор и известный криворожский футболист. Мне, конечно, импонировал футболист, но мои родители дружили с композитором. Мы бывали на днях рождения его детей, а они — на наших. Мама говорила, что композитор получает за свои песни немалые деньги, и переводы ему присылают из Киева. Как учитель музыки, она была для меня авторитетом.

Однажды, по просьбе моей мамы, композитор оставил у нас свои ноты, и я прочитал там, под ними, несколько строф стихотворения о Ленине.

Мне больше нравился футболист команды «Кривбасс», его новенькая машина «Лада» и спортивная форма, которую невозмож-

но было купить ни в каком магазине. Поэтому я вымолил у мамы деньги на гетры, к обыкновенным трусам она пришила по две белые полосы, а какая-то футболка у меня была. С этим футбольным имуществом я решил испытать счастье и записаться в какую-нибудь футбольную команду ДЮСШ (детской юношеской спортивной школы). Однако сколько я ни ходил на всякие просмотры, никто из детских футбольных тренеров меня никуда не принимал.

Тогда я записался на плавание и вместе с моим одноклассником Колей Кащенко начал посещать бассейн с резиновой шапочкой, пластмассовыми очками и запасными плавками в сумке. Колю заподозрили в краже и выгнали. Я научился плавать, но с мечтой о футболе не расставался.

5.

Так сложилось, что вслед за моим дедом на шахты Криворожья поехали еще несколько человек. Через какое-то время дедова сестра с мужем и еще несколько базарских семей стали криворожцами.

Дед рассказывал, что, как только они приехали в Кривой Рог и оформились на работу на рудник им. Кирова, всем выдали респираторные маски, шахтерские принадлежности и спустили в шахту.

Вначале необходимо перебороть психологический стресс работы под землей. Один из односельчан деда, опустившись вниз в клетки, так и простоял всю смену там без движения семь часов, а поднявшись на поверхность, побежал в железнодорожные кассы и купил обратный билет. Другой односельчанин после нескольких месяцев работы на шахте, что-то не то сказал в общежитии про советскую власть и прямо со смены уехал в КПЗ, после чего получил трехлетний срок заключения.

У деда был приятель, с которым они вместе работали на шахте. Он был переселенцем с Лемковщины и говорил с сильным лемковским акцентом. Его ударения сбивали с толку любого украинца, не говоря уже о русских. Дед часто выступал в роли переводчика, так как русский выучил во время войны. Так продолжалось до выхода деда на пенсию. Более всего жалел об этом тот самый лемко, который своим выговором доводил до приступов нервного смеха свое начальство. Он сохранил свой акцент и через двадцать лет жизни в Кривом Роге.

Все бывшие односельчане жили около площади Артема.

Со временем все они получили квартиры, стали ходить друг к другу в гости, отмечать какие-то праздники и вживаться в местную жизнь. Дед, который отказался от самостоятельной трехкомнатной квартиры, уступив ее, продолжал жить в одной комнате. Эта комната впоследствии станет нашей, соседи деда тоже станут нашими, и борьба деда за лучший угол в кухне, очередь в туалет и ванную тоже станут нашими. Вместе с комнатой мы обретаем право делить сарай на три части, дружить с Тamarой и Петром и вести непримиримую войну с матерью Тамары.

6.

Кривой Рог — это лесостепная или даже степная зона, то есть пейзаж за городом выглядит, как типовой украинский юг. Сам город, при всей его нетипичности и индустриальной горячке застройки, в самой старой своей части сберег черты провинции Российской империи. Со временем уже советская индустриализация, продвигаясь рудоносной жилой с севера на юг, застроила простор Кривого Рога кварталами, поселками, микрорайонами. Перемежая частные застройки с целыми кварталами пяти- и девятиэтажных зданий, творя почти безликие символы на фоне сторожевых башен старых и новых шахт, труб металлургических заводов, разрытых ран открытых карьеров, заполняя выгоревшую траву лета и теплые зимы грязной, красной краской руды, грязным снегом, грязными дождями и водой реки Саксагань, целые десятилетия формировали промышленный пейзаж города, целиком уничтожив природный. И не только на поверхности, но и под землей, выбрав руду, ничем не заполнив подземные лабиринты, кроме табличек с информацией о том, что ходить по этим посадкам и балкам опасно.

В центре города я встречал несчастного старика, который крутился возле общепитовских пельменных. Говорили, что он служил у Махно. Было ли то или что-то другое правдой, послужившей причиной такой его старости, неизвестно. В одной из пельменных столы были в рост человека. Он ждал, пока кто-нибудь оставит несколько пельменей или даже масляную поливку, потом быстро шел к той та-

релке, вынимал из кармана припасенный заранее хлеб и, вымазывая им тарелку, наслаждался бесплатной едой. Часто от него несло дешевым вином, засохшие следы которого были видны около рта, несло мочой. Как только появлялась уборщица, старик мигом убирался из помещения.

7.

Кривой Рог для меня всегда был местом прощаний, даже когда я к нему привык, и потом, когда охладел, и даже когда возненавидел ненавистью местного жителя.

Уже на улице Мелешкина, в большом девятиэтажном доме с центральным и черными ходами, я стал настоящей футбольной звездой двора со всеми причитающимися этому почетному званию привилегиями перед младшими и уважением старших пацанов. По телевидению я смотрел только футбольные матчи, покупал футбольные программки, ездил болеть за «Кривбасс» на стадион «Металлург» и мечтал о большом футболе, на самом деле удовлетворяясь пустырем напротив войсковой части. Пустырь оканчивался стихийными огородами, которые предприимчивые жители нашего микрорайона засаживали картофелем и овощами. Картошку осенью мы пекли на огне и принесенной из дома солью посыпали ее, треснутую надвое, ели желто-белую мякоть, с черным пеплом, который оставался на руках и лицах. За огородами начинались яры и урочища, которые спускались к реке Саксагань. Сама река и ее берега своим цветом напоминали мне разведенный марганец, который разводила для нас мама при признаках отравления. В реке, к удивлению, водилась мелкая рыба с красными плавниками и тысячи лягушачьих личинок. Местным развлечением среди моих ровесников было ловить их и потом, сидя на берегу, отрезать им головы лезвиями «Ленинград» или «Нева».

Со временем наши футбольные матчи в перерывах заполнялись эротическими и порнографическими анекдотами и историями про драки между районами и ментов, которые те драки разгоняли, про наркоманов и дозы, про тюремную жизнь и тюремные законы, рассказанные дядей Колей, чьи наколки указывали на его нелегкий жизненный путь.

У одного из пацанов дядя был моряком дальнего плавания, жил в Одессе. Как-то в подарок он ему привез морской бинокль. Этот бинокль пацан выносил во двор с разрешения родителей, а иногда и без. Тогда мы покидали пустырь и шли к реке. Там на берегу мы отыскивали тех, за кем можно подглядывать. Интересен был секс. Владелец бинокля, став на колени, как командарм Чапаев перед боем, высматривал жертву, и, говоря «у, бля!» заинтересовывал остальных, и каждый из нас, вглядываясь в даль, пытался представить себе, что там можно было в этот момент увидеть. Все в один голос начинали просить бинокль, толкались и выхватывали его друг у друга. Когда очередь дошла до меня, я с жадностью жаждущего в пустыне, увидел, как целуются, оголяя свои тела, двое двадцатилетних. Позже, прочитав у Марка Хласко «Первый шаг в тучах», я вспомнил наши сеансы с биноклем и усмехнулся — похожие и отдаленные во времени истории...

Мы гоняли мяч во дворе возле большого электротрансформатора, возле которого стояли столы и беседки, где постоянно «забывали козла» пролетариат и пенсионеры. Летом мужчины были в белых майках, черных штанах и «вьетнамках» на босу ногу, а кое-кто — в зеленых офицерских рубашках, популярных среди трудящихся. Может, кому-то они напоминали незабываемые годы службы в Советской армии. Клубы сигаретного дыма и мата висели над этими столами, и когда кто-то забивал так называемую «рыбу», то гремел своей клешней так, что вделанные в столы пластмассовые прямоугольники изменяли свою форму и подскакивали от силы шахтерского удара.

Один пацан, который жил с матерью, работавшей уборщицей в столовой, занимался достаточно прибыльным делом, охотясь в балках и на пустырях за сусликами. Их я впервые и увидел мертвыми в Кривом Роге, когда он сносил их в подвал, где ножом сдирал с них шкурки. Разделавши свои жертвы, он выбрасывал их тела в мусор. Шкурки сушил, выделявал по всем правилам и потом продавал на базаре или делал из них ремешки для часов, или всякие украшения. Он никогда не играл с нами в футбол, но лишь одиноко сиживал на скамейке и наблюдал. Он хвастал, что занимается в училище, но в это было трудно поверить, ибо он все время просиживал возле подъезда или бродил пустырями, которые иногда были

обсажены масличными и абрикосовыми деревьями, и вычислял норы сусликов. Серые, верткие зверьки перископами выглядывали из нор, даже не подозревая, что их ожидает через минуту-другую. Я никогда не слышал от него, как он их ловил. Этими своими секретами он не делился, так же как и секретами выделки шкурок и как и кому он их сбывал. От его рук и одежды всегда шел запах мертвых сусликов.

Еще одной знаменитостью двора был двадцатипятилетний мужчина с фигурой атлета, о котором говорили, что он водится с цыганами, живет с дочкой цыганского барона и что они обворовывают простой криворожский люд. Он и вправду не работал на шахте, зачем-то каждый день ездил в центр и вел себя, как настоящий урка.

Большинство наших соседей переехали в этот дом на Мелешкина из района под названием Зеленый. Взрослые и их дети вспоминали про тот Зеленый с каким-то необычным трепетом. Они почти все были знакомы друг с другом и образовали свой «зеленый клан»: мужики, сидя за столом для домино, женщины со своими советами друг другу о лифчиках и трусах, а их дети — во время драк и дворовых разборок — заступались один за другого, как будто были ближайшими родственниками. Зеленый в то время представлялся мне сплошным двухэтажным бараком, в который во время войны заселили семьи рабочих, потом у них там родились дети, потом — внуки, и Зеленый стал их частной собственностью, территорией, которую они не хотели отдавать никому. Даже покинув ее, они забрали ее с собой на новое место.

8.

Мама, оставив те две школы, параллельно с уроками музыки устроилась воспитателем в школе-интернате. Школа находилась почти рядом, в двух остановках. Она подолгу задерживалась на работе. Ездил по области и выискивала беглых интернатовцев.

Понятно, что публика в таких заведениях отличалась широтой натуры и интересов и состояла из детей, родители которых были лишены родительских прав, или из тех, кого родители сдали туда сами,

так как в силу различных обстоятельств не могли их содержать. Случаев таких было множество. Мама всегда приносила из интерната новые истории. В основном это были рассказы про нарушителей дисциплины или почти детективные истории о поисках беглецов, что происходило почти каждый месяц.

Почти каждую неделю мы куда-то выбирались: то на лодочную станцию, то в центральный парк, или ехали в школу к отчиму, или в гости на Северный горно-обогатительный комбинат, СевГОК. Наибольшим мучением для меня было одевание меня с братом в гольфы и шорты. Эту летнюю одежду я возненавидел, потому что, выходя из подъезда, можно было встретить кого-то из ровесников, которые смотрели на меня с открытыми ртами, как на чудо природы. Ненавидел я и белую сорочку с жабо, которую меня заставляли надевать по праздникам или на пионерские линейки. Ненавидел танцы в местном Доме культуры, на которые нас всем классом записала классная руководительница. Там мы занимались на втором этаже в зале с паркетом и огромными зеркалами на стенах. На танцах меня, к счастью, не записали в основной состав под предлогом того, что я и еще несколько ребят должны были состоять во вспомогательной танцевальной группе. Все, кто попал в такой кружок художественной самодеятельности, притворялись перед параллельными классами и в своих дворах, что мы занимаемся в танцевальном кружке. Настоящие криворожские пацаны должны были играть в футбол, участвовать в драках, стрелять по фонарям и окнам, обрезать трубки в телефонах-автоматах, извлекать из них магниты, шататься по карьерам и балкам, отнимать деньги, воровать в магазинах то, что «плохо лежало», состоять на учете в Детской комнате милиции и готовить себя к зоне — все остальное было пустой тратой времени.

У нас дома мамин баян был музыкой, которая близко подбиралась к моей независимости. Поскольку в школе я нотную грамоту выучить не мог, то более всего боялся, что когда-нибудь мама возьмет баян и заставит меня учиться на нем играть.

9.

Футбол был единственное, чем я тогда жил. Я не читал книг по внеклассному чтению, неохотно посещал танцевальный кружок, забросил какие бы то ни было мечты о музыке, поскольку никак не мог выучить ноты, их расположение и комбинации. Маму волновало мое пренебрежение к книгам и она вовсе не поддерживала мои футбольные пристрастия. Отчим вообще все это презирал и часто повторял: «У отца было три сына — двое умных и один футболист».

Почему именно футбол? Именно эта игра давала мне возможность ускользнуть из дому, и хотя я часто возвращался с побитыми коленками или синяками, или того хуже — в подданных штанах или сорочках, и хотя постоянно слышал морализирования моих родителей относительно правильных советских учащихся (оба они были учителями), к чему я со временем привык, футбол был для меня свободой, возможностью (хоть и недолго) быть самим собой.

Так как каждая игра имеет свою драматургию, то в футболе мне нравилось все — раздел на команды, поиск мяча, на покупку которого мы сбрасывались всем двором. Мяч должен был быть кожаным и надуваться при помощи ниппеля. Почему-то от мяча многое зависело — не только уровень игры, но и степень осознания себя футболистами. И если форму мы надевали исключительно на дворовые чемпионаты, то и мяч должен был быть кожаным. Настоящим.

На нашем пустыре, рядом с воинской частью, с ранней весны и до поздней осени мы безостановочно играли в футбол. На пустыре вначале планировалось строительство какого-то комбината или фабрики (даже позабывали уже сваи), но со временем строительство остановили, и строительную технику с вагончиком прораба куда-то перевели. Пустырь подбирался к войсковой части внутренних войск и оканчивался посадкой абрикосов и маслин, которая весной покрывалась многотравьем, а летом выгорала под горячим криво-рожским солнцем.

Солдаты часто прерывали нашу игру выкриками: «Малый, сгоняй в магазин!» Они перебрасывали деньги через бетонную стену и просили купить сигареты, еду, иногда пиво или водку. Когда кто-то из футболистов бежал в ближайший магазин, игра останавливалась.

Иногда через ограждение перепрыгивал солдат и направлялся за самогоном или на блядки.

Наш футбол прекращался с первыми заморозками, и тогда мы переключались на хоккей возле трансформаторной будки.

Пустырь ждал весны.

Мы тоже.

Перевод с украинского Эдуарда ХВИЛОВСКОГО.